

Что на колѣняхъ друга спалъ.
 Но, покраснѣвши, сновидѣнье
 Пересказать стыдился онъ,
 Какъ будто бы лукавый сонъ
 Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
 Не отвѣчая на вопросъ
 [Примѣта явная печали],
 Щипалъ онъ листья дикихъ розъ,
 И наконецъ двѣ капли слезъ
 Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
 И, съ быстротой отворотясь,
 Онъ слезы осушилъ рукою...
 Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
 Но не смутился онъ душою
 И приписалъ онъ простотѣ,
 Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
 Конечно, самъ давно не зналъ онъ.
 Печалей сладостныхъ любви,
 И самъ давно не предавалъ онъ
 Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
 Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
 Не разъ, личиною искусства,
 Слезой и сердцемъ ледянымъ,
 Когда обмановъ самъ чуждался,
 Обмануть былъ онъ—и боялся
 Онъ вѣрить только потому,
 Что вѣрилъ нѣкогда всему...
 И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
 Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
 Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный;
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
 Гдѣ лстить намъ зло, но болѣе тревожить,
 Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
 И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
 Раскалывъ одно приносятъ намъ...

XI

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
 Сребристый стелется ковыль
 Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
 Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
 Желтѣя, поднялась въ лоцинѣ,
 И крикъ черкесовъ по зарѣ
 Гудитъ, теряясь въ пустынѣ...
 Селимъ все слышалъ на горѣ;
 Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
 «Они! они!» онъ восклицаетъ,
 И князя нѣжною рукою
 Влечетъ онъ быстро за собой.
 Вотъ первый всадникъ показался;
 Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
 Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
 За нимъ другой, еще другой—
 И вереницею тянулись
 Они по узкому пути:
 Тамъ, если бѣ два коня столкнулись,
 Назадъ бы оба не вернулись,
 И не могли бѣ впередъ итти.

XII.

Толпа джигитовъ удалая,
 Передъ горой остановясь,
 Съ коней измученныхъ слѣзая,
 Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь—
 И все утихло; уваженье
 Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
 Но уваженіе—не страхъ,
 Не власть его основа—мнѣнье.
 «Какія вѣсти?»—Русскій станъ
 Пришелъ къ Оссаевскому Полю,
 Имъ лстить и бѣдность нашихъ странъ!
 Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
 Молчать. «Такъ дайте жѣ отдохнуть
 Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
 Въ бою мы рады лечь костями;
 Чего же лучшаго намъ ждать?
 Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
 Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!..»

XIII.

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
 Понятно выразилъ укоръ.
 «Нѣтъ, говорить онъ: я повсюду
 Въ изгнаніѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
 Нѣтъ! клятвы я не позабуду—
 Угаснуть или жить съ тобой.
 Не робокъ я подъ свистомъ пули—
 Ты видѣлъ это, Измаилъ!
 Меня враги не ужаснули,
 Когда ты, князь, со мною былъ.
 И съ твоего чела не я ли
 Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
 Когда друзья твои бѣжали,
 Чьи рѣцъ, ласки прогоняли
 Суровый мракъ твоей печали?
 Мои слова, моя любовь!
 Возьми, возьми меня съ собою!
 Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
 Могу... И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
 Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
 Моя душа не дорожила;
 Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ—
 Но не оставлю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
 И наконецъ, отворотясь,
 Онъ протянулъ Селиму руку;
 И крѣпко тотъ ее пожалъ
 За то, что смерть, а не разлуку
 Печальный знакъ сей обѣщалъ.
 И долго витязъ такъ стоялъ;
 И подъ нависшими бровями
 Блеснуло что-то; и слезами
 Я могъ бы этотъ блескъ назвать.
 Когда бѣ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
 Колчаны, ружья, сѣдла, брони
 Въ пещеру на ночь снесены;
 Огни у входа зажжены.